

МИХАИЛ БОЛТУНОВ

РАЗВЕДЧИКИ,
ИЗМЕНИВШИЕ
МИР

Михаил Ефимович Болтунов
Разведчики, изменившие мир
Серия «Щит и меч»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27106621

М.Е. Болтунов. Разведчики, изменившие мир: Алгоритм; Москва; 2009

ISBN 978-5-9265-0606-5

Аннотация

М. Е. Болтунов, военный журналист, полковник, вот уже почти два десятилетия остается верен раз выбранной теме, – по сути, он стал уже историком российских спецслужб. Его очередная книга посвящена разведчикам, «изменившим мир»: сотрудникам ГРУ, выполнявшим наиболее ответственные миссии за границами СССР. Сверхсекретные программы вооружений стран НАТО, военные тайны бундесвера, американское ядерное оружие – информация, добытая офицерами ГРУ, была настолько важной, что позволяла Советскому Союзу навязывать своим соперникам собственные правила игры на международной арене.

Содержание

Предисловие	5
Приказ: «Тайно похитить атамана...»	9
Советский разведчик – он же американский миллионер	20
Настоящий полковник – из ГРУ	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

М. Е. Болтунов
Разведчики,
изменившие мир

© Болтунов М. Е., 2009

© ООО «Алгоритм-Книга», 2009

Предисловие

Мир надо беречь от содроганий. И разведка понимает это, как никто другой. Поэтому и хранит свои тайны ревностно и непреклонно. Особенно отличается тут военная разведка.

Случаются, правда и приятные исключения. В середине 90-х годов мне удалось встретиться с начальником Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил России генералом Валентином Корабельниковым.

О чем говорил я с главой военной разведки? О том, что кумирами наших детей и внуков становятся чужие герои – голливудские Никита и Рембо. Пройдет десяток лет, и эти любители американских боевиков, вскормленные на жестокости и крови, воспитанные заокеанской субкультурой, придут в наши военные училища, в армию, в том числе и в разведку.

Мне показалось тогда, я был понят. Во всяком случае, получил доступ в святая святых военной разведки – спецархив ГРУ.

Работая с архивными документами, встречаясь с ветеранами ГРУ, узнавал о таких людях, что диву давался: как можно десятилетиями скрывать, держать в тайне столь удивительные, героические, и в то же время поистине трагические судьбы.

Открывает книгу рассказ об одной из первых спецопераций военной разведки под руководством Василия Давыдова – заведующего Джаркентским пунктом Разведупра РККА. Молодой талантливый разведчик сумел внедрить своих агентов в окружение атамана Дутова и организовал его похищение. Однако в ходе перестрелки Дутов был убит. Шел февраль 1921 года.

Эта операция стала началом работы советских спецслужб по ликвидации лидеров белого движения. В 1922 году ранен и скончался генерал Виктор Покровский, в 1928-м в пищу барона Петра Врангеля добавлен туберкулин, от чего вскоре генерал умер, в 1930-м похищен генерал Александр Кутепов, в 1937-м – его преемник на посту председателя РОВС Евгений Миллер.

Сегодня к этой весьма специфической деятельности спецслужб отношение не однозначное, но надо признать: серия подобных операций изменила мировой политический ландшафт. Советская власть избавилась от злейших врагов и утвердила свое влияние в мире.

30-е годы были уже иными. Военная разведка не привлекалась к работе по похищению и ликвидации руководителей белого движения. Эту миссию выполняли, как правило, агенты Иностранного отдела НКВД, специальной группы Якова Серебрянского.

Разведупр Красной Армии занимался своим делом – добыванием разведданных, без которых невозможно предста-

вить деятельность любого государства. Однако надо сказать, что некоторые разведорганизации сами становились своего рода государством в государстве. Таким мощным организмом стала разветвленная сеть так называемых «мобилизационных коммерческих предприятий Разведуправления Красной Армии». Эту сеть много лет создавал и возглавлял корпусной комиссар Стефан Мрочковский. «Предприятия» располагались по всей Европе – в Германии, Польше, Англии, на Дальнем Востоке, в США, Канаде. Один из ветеранов ГРУ назвал это «самым гениальным проектом военной разведки за всю ее историю». Доходы фирм, созданных Мрочковским, уже в 1932 году исчислялись миллионами долларов. Стефан Иосифович умело изымал по миллиону в год и направлял на нужды Разведуправления, в госказну. На эти деньги закупались новейшие образцы зарубежной техники и оружия, велась разведывательная деятельность.

Полковник Георгий Большаков работал за рубежом в другие годы. Большаков в сложные, взрывоопасные месяцы Берлинского, а потом Карибского кризисов, когда СССР и США находились на грани ядерной войны, являлся своеобразным каналом связи между Президентом США Джоном Кеннеди, его братом Робертом и руководителем нашей страны Никитой Хрущевым. Как осуществлялась эта связь и какую роль в ослаблении советско-американского противостояния сыграл военный разведчик Георгий Большаков, читайте в книге.

...Дела и судьбы разведчиков. Мы порой и предположить

не можем, какую важную, а иногда и решающую роль играют они в жизни нашего Отечества.

Собственно, об этом и рассказывает книга, которую вы держите в руках. Надеюсь, вы прочтете ее с интересом и несомненной пользой.

Автор

Приказ: «Тайно похитить атамана...»

Зимой 1920 года на стол полномочного представителя ВЧК в Туркестане Якова Петерса легло оперативное донесение начальника Верненского отделения Разведуправления РККА. Ссылаясь на данные агентуры Джаркентского пункта под руководством Василия Давыдова, военные разведчики сообщали о письме атамана Дутова. А писал атаман не кому-нибудь, а главе ферганских басмачей Иргашу. И судя по всему, делал он это уже не в первый раз.

«В 1919 году летом, – напоминал Дутов, – ко мне прибыл генерал Зайцев, который передал вам поклон мне. Я, пользуясь тем, что из Омска от адмирала Колчака едет миссия в Хиву и Бухару, послал с ней вам письмо, халат с есаульскими эполетами, погоны и серебряное оружие и мою фотографию, но эта миссия, по слухам, до вас не доехала...»

Петерс на мгновение оторвал глаза от бумаг. «Значит, наши данные были верны. Атаман Дутов действительно принял Иргаша в оренбургские казаки, дал чин есаула и теперь одаривал басмача погонами и оружием».

Полпред ВЧК усмехнулся: «Знатный будет казак», – и продолжил чтение.

«В третий раз пытаюсь связаться с вами, – досадовал

Дутов, – ныне я нахожусь на границе Китая и Джаркента в г. Суйдун. Со мной отряд всего до 6000 человек. Теперь я только жду случая ударить на Джаркент. Для этого нужна связь с вами и общность действий. Буду ждать вашего любезного ответа».

Яков Петерс захлопнул папку с документами.

Да, атаман Дутов становился по-настоящему опасным. Били его Блюхер с Ермаковым под Оренбургом зимой восемнадцатого года, да не добились. Бежал в Верхнеуральск. Собрал силы и опять двинул на Оренбург.

Блюхер вновь разгромил его белоказаков, загнал в Тургайские степи. Опять не утомился атаман. Летом вместе с белочехами захватил Оренбург. Пришлось еще раз всыпать генералу Дутову, теперь уже под Актюбинском.

Нет, ни разгромы, ни «Голодный поход» остатков его армии Александру Ильичу не впрок. Теперь в Китае объединяет под общим крылом все белогвардейские отряды, налаживает контакты с командующим Добровольческой армией Врангелем, с английской разведкой, а ныне, как ясно из письма, и с азиатским басмачеством. И ждет случая ударить по Джаркенту.

«А мы чего ждем? – задал сам себе вопрос Петерс. – Пока атаман Дутов действительно ударит?»

Через четверть часа он пригласил секретаря.

– Вызовите ко мне начальника Верненского отделения Разведупра Пятницкого и начальника Джаркентского пунк-

та Давыдова.

Так военные разведчики, и конкретно Василий Давыдов, получили приказ: разработать спецоперацию, в ходе которой похитить атамана Дутова, доставить его на территорию подконтрольную большевикам, и предать суду военного трибунала.

Однако дело это оказалось крайне сложным. Под командой генерала Дутова было несколько тысяч штыков. Немалая сила. И, разумеется, его охраняли должным образом. Да и располагались они в Китае, на чужой территории. Сам Александр Ильич, опытный вояка, участник Первой мировой войны, руководил дивизионом, позже назначен командиром казачьего полка. Был ранен, дважды контужен, временно лишился слуха и зрения.

Потомственный военный, родился в семье генерал-майора, закончил Оренбургский Николаевский кадетский корпус, кавалерийское училище, академию Генерального штаба. Так что Дутов прекрасно осознавал, какая опасность ему грозит. Тем более что к 1920 году он крепко насолил большевикам. Еще в ноябре 1917 года, когда многие были в растерянности, атаман знал, что делать, — он поднял антисоветский мятеж в Оренбурге, арестовал нескольких видных большевиков во главе с председателем Совета рабочих и солдатских депутатов Коростелевым.

А потом три года жестоко воевал с большевиками. Бивали его, однако бивал и он. И даже выброшенный за преде-

лы России не смирился с поражением. Антибольшевистские выступления в гарнизоне города Верного (Алма-Ата), бунт в 5-м пограничном полку и захват власти в Нарыне – его рук дело. Большевики не могли этого не знать. А значит, можно просчитать их реакцию. Генерал Александр Дутов, конечно же, просчитывал ее и укреплял охрану. Более того, работал на опережение. У него уже были свои агенты в штабе Туркестанского военного округа.

Не повезло атаману только в одном. Ему попался очень сильный соперник – Василий Давыдов. Он не учился в кадетском корпусе, в военном училище, в академии. У него не было такой возможности, да и по возрасту Давыдов очень молод. В 1920–1921 годах, когда они противостояли друг другу, генералу Дутову исполнился 41 год, Давыдову всего 22. В сущности, мальчишка. Но очень талантливый мальчишка.

Это потом, через полтора десятка лет Давыдов станет бригадным комиссаром, правой рукой великого «Старика» Яна Берзина. Но пока он начальник Джаркентского разведпункта и ему поставлена очень сложная задача – выкрасть генерала Дутова.

Давыдову всего 22 года, но за спиной серьезный военный опыт. Четыре года назад он уходит на фронт бойцом, становится помощником командира отряда. Воюет на ферганском направлении, против банд курбашей и басмачей, потом против войск Колчака под Оренбургом.

Осенью 1919 года его из-под Оренбурга перебрасывают

под Семиреченск, где Василий сражается с белогвардейцами Анненкова и Дутова. Из экспедиционного отряда, в котором воевал Давыдов, разворачивают батальон, из батальона – 26-й Туркестанский полк. Здесь Василий занимает должности адъютанта полка, помощника командира батальона, помощника командира полка. Весной 1920 года он уже исполняет обязанности командира полка.

С этой должности Давыдов и попадает в разведку Туркестанского фронта, назначается начальником Джеркентского разведывательного пункта и одновременно председателем РВС г. Джаркента. Как раз того самого Джаркента по которому ждал случая ударить генерал Дутов.

Однако не успел. Поскольку опередил его Давыдов.

* * *

Надо отдать должное – Яков Петерс, понимая всю трудность предстоящей спецоперации, объединил усилия военных разведчиков и местных чекистов. Позже к подготовке и проведению операции подключился начальник Джаркентской уездной ЧК.

Разведпункт Давыдова располагался на расстоянии одного перехода до китайской территории, где укрылся Дутов. Эту близость использовал начальник пункта. Он провел тщательную работу по добыванию сведений о количестве бойцов в полках Дутова, их вооружении, моральном духе, а

также планах его штаба.

К тому времени Василию Давыдову удалось внедрить своего агента в контрразведку Дутова, который регулярно сообщал о жизни атамана, его пристрастиях, порядках, бытующих в ближайшем окружении. Начальник разведпункта ценит и берег агента, и потому на встречи с ним ходил лично. Были такие встречи и в Кульдже, и в Суйдуне.

Пробиться к генералу Дутову сумел и сотрудник Джаркентской милиции Касымхан Чанышев, подготовленный Давыдовым и начальником уездного ЧК Суворовым. До 1917 года Чанышев носил княжеский титул, руководил местной жандармерией. После революции перешел на сторону большевиков.

Военные разведчики и чекисты разработали для Чанышева легенду – он, недовольный советской властью, приезжает к атаману Дутову и предлагает свои услуги по подрывной деятельности на территории подконтрольной большевикам.

Вскоре Чанышев убывает в Китай, в Кульджу, где у него немало родственников. Эта поездка не вызывает подозрений у контрразведки Дутова. Касымхан находит в Кульдже своего друга детства офицера Аблайханова, который служит в штабе генерала Дутова и является его личным переводчиком.

Чанышев просит старого друга устроить ему прием у Дутова. Тот помогает Касымхану, и атаман действительно вскоре принимает у себя Чанышева.

Надо отдать должное опыту бывшего жандармского офицера. Несмотря на всю осторожность и подозрительность Дутова, Чанышеву удалось убедить генерала в своем желании бороться с большевиками. Возможно, помогло и то, что Дутов очень нуждался в своих людях на той стороне, особенно в Джаркенте, который был выбран им главной целью для нанесения удара.

Словом, Чанышев получил задание возвратиться в Джаркент, подбирать и готовить людей для восстания, постоянно посылая Дутову развединформацию о положении дел в городе.

Связным у Чанышева стал Мукай Ходжамиаров. Он часто бывал в штабе генерала Дутова. Его сопровождали чекисты Ашурбакиев, Баймысаков, Кадыров. Таким образом, Ходжамиарова теперь хорошо знала охрана Дутова, его адъютант, да и сам атаман. Он доставлял «ценные» сведения с той стороны.

* * *

В начале января 1921 года, когда вооруженное выступление частей генерала Дутова было уже подготовлено и могло вскоре начаться, в Суйдун прибыла первая диверсионная группа красных. Однако ей не повезло. Как раз в эти дни разгорелся бунт одного из маньчжурских полков, и китайские генералы ввели в городе осадное положение. Было запреще-

но передвижение по улицам даже днем.

Группа возвратилась, не выполнив задания.

Вскоре снарядили вторую экспедицию. Руководство операцией возлагается на Василия Давыдова, непосредственно диверсионную группу возглавлял Касымхан Чанышев. Однако в день отъезда военно-следственная комиссия Туркестанского фронта неожиданно арестовала самого начальника разведпункта Давыдова и руководителя группы Чанышева. Диверсанты убыли на задание без своего командира. Осуществлять общее руководство спецоперацией также было некому. Давыдов сидел в камере.

Как выяснилось позже, приказ на арест Давыдова и Чанышева отдал председатель военно-следственной комиссии Туркестанского фронта, бывший белогвардеец Рождественский. Он оказался агентом атамана Дутова. Узнав о готовящейся операции по ликвидации генерала, Рождественский сделал все возможное, чтобы сорвать экспедицию. И это ему первоначально удалось.

Разумеется, через своих людей Рождественский известил Дутова о готовящемся акте возмездия. Тот, в свою очередь, усилил охрану, прекратил приемы, даже приближенных офицеров отказывался впускать в дом.

Разведчики-диверсанты, оставшись без руководителя, также попали в сложную ситуацию. Они прибыли в Суйдун, но не знали, как подступиться к дому атамана, превращенную в крепость. Связи с руководством в Джаркенте тоже не

было. Давыдов и Чанышев по-прежнему находились под арестом. Выполнение задачи затягивалось. А ведь белогвардейская контрразведка тоже не дремала.

1 февраля 1921 года по настоянию Давыдова и под его личную ответственность из-под стражи был освобожден командир диверсионной группы Касымхан Чанышев. Он сразу же выехал в Китай. Время, – на вес золота, и потому срок для проведения спецоперации по ликвидации атамана Дутова обозначили жесткими рамками – 7 дней.

Давыдов по-прежнему оставался под арестом в качестве заложника. Сорвись операция или окажись Чанышев предателем, – начальник разведпункта был бы немедленно предан суду. К счастью, не случилось ни того, ни другого.

* * *

Операцию назначили на 6 февраля. Роли распределили так: Ходжамиаров с письмом от Чанышева проходит к генералу Дутову. В ходе передачи пакета Ходжамиаров должен оглушить атамана. В свою очередь, Баймысаков убивает часового у дверей Дутова. Вдвоем они запихивают атамана в мешок и несут к воротам крепости, где их вместе с лошадьми ожидают Ашурбакиев и Кадыров.

Если кто-то из окружения Дутова поинтересуется, что в мешке, ответить – он набит листовками с воззванием атамана к восстанию.

Сам Чанышев должен был прикрывать своих товарищей, укрывшись рядом с караульным помещением.

6 февраля рано утром члены диверсионной группы, одетые в форму белогвардейских войск, заняли свои места. Мукай Ходжамиаров вошел в дом к Дутову и передал ему письмо Чанышева.

Генерал раскрыл конверт.

«Господин атаман, — писал Касымхан, — хватит нам ждать, пора начинать. Все сделал. Готовы. Ждем только первого выстрела, тогда и мы спать не будем. Ваш Чанышев».

В этот момент крепкий удар обрушился на голову Дутова. Атаман упал, Ходжамиаров негромко окликнул Баймысакова. Тот уже успел убрать часового. Вместе они стали записывать в мешок потерявшего сознание Дутова. Однако осуществлению их планов помешал неожиданно вошедший в кабинет адъютант генерала. Но он не успел выхватить оружие и был убит одним из диверсантов.

Ходжамиаров, понимая, что теперь вынести Дутова невозможно, двумя выстрелами в упор убил атамана. Он и Баймысаков выпрыгнули в окно и бросились туда, где вместе с лошадьми их ждали товарищи.

На выстрелы из караульного помещения выскочили казаки, но Чанышев открыл по ним огонь и на время задержал караульных.

Диверсантам благополучно удалось уйти из Суйдуна. А

вскоре все участники спецоперации по ликвидации генерала Дутова были награждены – начальник разведпункта Василий Васильевич Давыдов – орденом Красного Знамени, остальные – именными золотыми часами.

В мае того же года части Красной Армии перешли границу Китая и ударили по бывшему лагерю Дутова. Белогвардейская группировка была разгромлена, и только небольшой их части удалось бежать.

В том же месяце Давыдов освобожден от должности начальника Джаркентского разведпункта и откомандирован в распоряжение Разведуправления РККА. Начался новый этап в его жизни. Впереди были многие годы упорного труда в центральном аппарате военной разведки в Москве. Он попал в отдел агентурной разведки, которым руководил Ян Берзин. Когда в 1924 году Ян Карлович станет начальником Разведупра, Давыдов будет работать под руководством таких известных разведчиков, как Константин Звонарев, Рубен Таиров, Борис Мельников.

Все эти годы Василий Васильевич будет заниматься агентурной разведкой. На несколько лет станет у Берзина помощником для особых поручений, а потом вновь вернется в свой любимый агентурный отдел.

Советский разведчик – он же американский миллионер

Проект МСКП (международная сеть коммерческих предприятий) – без сомнения, одна из самых удачных разработок военной разведки, – начал осуществляться в 1920-х, когда Разведупр только-только становился на ноги. За рубежом стала создаваться сеть коммерческих предприятий, в 1928 году сеть возглавил Стефан Мрочковский. Как показало время, выбор был верный. Этому предприятию очень повезло на своего руководителя.

Почти полтора десятка лет умело и заботливо создавал, растил, пестовал он торговые фирмы, формально не связанные между собой, но имеющие единую финансовую структуру и талантливо руководимые одним директором. Сеть охватывала многие страны Западной Европы, Ближнего и Дальнего Востока – Германию, Францию, Англию, Польшу, Румынию, Ирак, Иран, Китай, даже Соединенные Штаты Америки и Канаду.

Военная разведка Советского Союза через своих сотрудников, тайных агентов, подставных лиц, которые находились на ключевых должностях в этих фирмах, осуществляла руководство МСКП и решила важнейшую задачу – обеспечение мобилизационной готовности ГРУ на период военного

времени.

В мирное же время фирмы МСКП вели обычную коммерческую деятельность и являлись прикрытием и базой для агентурной работы.

Из архивных документов становилось понятным, что развитие и управление таким сложным предприятием требовало непосредственного участия Мрочковского в работе этих фирм.

В 1930 году Стефан Иосифович выезжает в длительную зарубежную командировку. К тому времени ему исполнилось 45 лет. Эти четыре с половиной десятка лет вобрали в себя многое – учебу в реальном училище в родном Елисаветграде (ныне г. Кировоград), что в Одесской области, на Украине, студенческие годы на юридическом факультете Харьковского университета, участие в революционном движении.

В 1917 году Стефан Мрочковский – председатель ревкома в Елисаветграде. В 1919-м схвачен деникинцами, посажен в тюрьму, но бежал. В 1920 году – он член харьковского губисполкома.

В ту пору выпускник юридического факультета университета был, что называется, на вес золота. А Мрочковский к тому же владел несколькими иностранными языками. И поэтому уже с 1921 года ему доверяют работу в Международной комиссии по Рижскому договору. Должность у него высокая и ответственная – заместитель председателя делегации

СССР. Одновременно Стефан Иосифович возглавляет комитет Всесоюзного совета народного хозяйства (ВСНХ) по реэвакуации иностранных предприятий. С 1925 года Мрочковский – председатель правления советских акционерных обществ «Берсоль» и «Метахим», через которые осуществляются некоторые из закрытых программ советско-германского военного сотрудничества. Этот год совпадает с зачислением Стефана Мрочковского в штат Народного Комиссариата Обороны (НКО) СССР.

Теперь он периодически выезжает в зарубежные командировки по делам акционерных обществ, которыми руководит. Однако случаются и поездки иного рода, нелегальные, по линии Разведуправления РККА.

Справедливости ради надо сказать, что Мрочковский уже с 1921 года выполняет отдельные поручения военной разведки.

* * *

Итак, год 1930-й, длительная нелегальная командировка в Германию, в Берлин, где находится правление основной фирмы МСКП – немецкого акционерного общества «Востваг». Однако Мрочковский не засиживается в Берлине, он выезжает в разные страны, где располагаются филиалы, отделения, агентства МСКП. Ему надо решить сложнейшую задачу советской военной стратегической разведки – поста-

вить на ноги и широко развернуть сеть коммерческих предприятий. Что, собственно он и делает. Судя по отчетам, уже в 1932-м годовые обороты фирм исчислялись миллионами долларов (!).

При этом Стефану Мрочковскому по специальным указаниям Центра удавалось умело, без вреда для бизнеса, изымать из оборота ежегодно до 1 миллиона долларов и направлять их в резерв Разведуправления, а также передавать на нужды советского государства. На деньги, заработанные фирмами МСКП, осуществлялись закупки новейших образцов военной техники и вооружения в разных странах мира.

А поскольку деньги были и деньги немалые – открылись широкие возможности дальнейшего развития МСКП, создания новых предприятий в тех странах, которые интересовали военную разведку. И Мрочковский не замедлил этим воспользоваться – создавались дополнительные линии агентурной связи, расширялась база для передвижения и легализации агентов разведуправления, шло маневрирование финансовыми средствами.

В ходе этой работы накапливались необходимые коммерческие связи, как для нормальной деловой активности фирм, так и с перспективой работы в военный период, разумеется, с учетом приобретения новой военной техники и добывания ценной развединформации.

Что же касается самого Мрочковского, то вскоре он стал фактическим держателем основных капиталов фирм и пред-

приятый, ему принадлежала большая часть акций.

«П. И. Берзина¹, – напишет позже Наталья Звонарева, секретарь начальника Разведупра, – окружали талантливые помощники и сотрудники. К каждому из них он относился по-отцовски внимательно и строго. Особенно бережно он относился к С. И. Мрочковскому – выдающемуся разведчику-нелегалу. Когда поступало сообщение о его приезде в Москву (примерно раз в год), Берзин вызывал меня и предупреждал: «Проследи, чтобы лишние люди не встречались с ним. В комнату, где он будет работать, пропускать только сотрудников, с которыми он связан по службе...»

Стефан Иосифович, приезжая рано утром, неизменно говорил мне: «Наташа, милая, здравствуйте» – и проходил в комнату секретариата, в которой стояло два сейфа с его документами. Высокий, худощавый, с откинутыми назад прямыми волосами, в прекрасно сидящем на нем костюме, он выглядел истинным западным коммерсантом.

Поздно вечером он обычно заходил в кабинет Павла Ивановича, где они еще долго обсуждали служебные проблемы или просто беседовали. Мрочковский добывал ценнейшую информацию и снабжал управление крупными суммами валюты.

Как-то, проводив его, Павел Иванович сказал: «Ты не

¹ П. И. Берзин – уже упоминавшийся в первой части книги Берзин Ян Карлович (он же Павел Иванович). Настоящие фамилия и имя Кюзис Петерис; партийный псевдоним Папус. Начальник Разведупра РККА в 1924–1935 гг. и в июле – ноябре 1937 г. – *Примеч. ред.*

представляешь, Наташа, какую помощь оказывает нам Стефан Иосифович. Не знаю, как бы мы обходились без него...»

* * *

В подтверждение слов Звонаревой – документ, аттестация на Стефана Мрочковского, датированная 1934–1935 годами. Ее собственноручно написал Ян Берзин.

«Мрочковский Стефан Иосифович, – пишет Берзин, – весьма способный, преданный делу работник-коммунист. Обладал солидной общей подготовкой (юрист-экономист) и большим опытом практической работы, он свои знания и опыт умеет прекрасно применять на деле. В течение ряда лет руководил крупным участком разведки, показал незаурядные способности организатора и администратора и добился крупных успехов.

Характер твердый, решительный, волевые качества хорошо развиты, хорошо разбирается в людях, умеет ими управлять и подчинять их своей воле. У подчиненных пользуется большим авторитетом и уважением. Быстро ориентируется в сложной обстановке и находит правильное решение. В трудных условиях проявляет большую выдержку, в то же время весьма осторожен, гибок и изворотлив.

Политическое развитие и подготовка прекрасные (старый партиец-подпольщик). От генеральной линии партии не отходил.

В личной жизни очень скромен, в общественной – хороший товарищ.

Общий вывод:

Занимаемой должности вполне соответствует. По своей подготовке, знаниям и способностям может руководить и более крупным участком работы. Может также быть использован на крупной работе по военно-хозяйственной линии».

Вот такая достаточно красноречивая аттестация. За эти-ми, пусть и самыми высокими характеристиками не увидеть, не почувствовать всех сложностей и проблем нелегальной работы той поры. Зарабатывая миллионы долларов, как писал Берзин, «в личной жизни очень скромен». Однако далеко не все, с кем приходилось работать Мрочковскому, были честными, скромными, порядочными. Некоторые просто не выдерживали испытания долларом.

В документах ГРУ сохранилось письмо некой Цецилии Сойбельман. Она писала о своем муже комдиве Самуиле Нисоновиче Сойбельмане.

Весьма примечательный случай приводит вдова комдива. Начинает она словами: «Расскажу еще почти анекдот. Возвращаясь из Монголии, Сойбельман в поезде вышел из купе покурить. С ним заговорила молодая особа. Узнав, что он немец, она стала спрашивать его перевод некоторых слов.

Сойбельман отвечал на известные ему слова. Но вот она спросила: «А как по-немецки спички?» Он, не задумываясь, ответил: «Спичкас».

Она продолжала спрашивать. Снова несколько знакомых слов, а потом вопрос: «Как коньки?» «Коникес», – ответил он в том же духе. Она была удовлетворена.

По приезду в Москву Сойбельман рассказал этот эпизод в управлении, что вызвало дружный хохот».

Вот такой интеллеktуал-разведчик. Тут уж не хохотать впору, а плакать. Однако пассажи Сойбельмана с молодой особой в поезде и вправду оказались лишь забавным эпизодом, в сравнении с тем что сей «немец», не знающий простейших слов из «родного языка», совершил позже.

Неспроста Цецилия Сойбельман в первой же строке своего письма сообщает: «В 1929 году мы выехали в Берлин с тяжелым чувством: стычка с Мрочковским не предвещала ничего хорошего».

Теперь мы уже вряд ли узнаем, что это была за стычка и почему Мрочковский оказался недоволен своим подчиненным. Однако, судя по-всему, Стефан Иосифович действительно хорошо разбирался в людях и был весьма прозорлив.

В справке на Сойбельмана, подготовленной одним из сотрудников ГРУ на основе архивных документов, говорилось:

«Сойбельман С. Н., 1895 г. рождения, уроженец г. Бельцы Молдавской ССР. В Красной Армии с августа 1918 года на должностях: комиссар снабжения 2-й армии Восточного фронта, начальник снабжения частей 1-й Конной армии.

В системе Главного Разведуправления с 1925 года. В период с 1925 по 1928 год находился в зарубежной команди-

ровке.

В конце 1929 года Сойбельман был направлен в командировку в Европу. При этом ему было выделено 52 тысячи американских долларов. Однако, вместо того чтобы приступить к решению поставленных задач, Сойбельман порвал связь с нашим представителем за рубежом и скрылся.

Впоследствии выяснилось, что Сойбельман вместе с женой выехал в одну из стран Латинской Америки».

Через четыре года, в 1934-м, Сойбельман вернется в Москву, но уже без денег. Он будет арестован ОГПУ. Вскоре с Лубянки в Разведупр придет протокол допроса Сойбельмана, из которого станет ясно: он признал самовольный разрыв с руководителями, которым был подчинен за границей, и отъезд в одну из стран Латинской Америки, прекращение выполнения заданий Центра, присвоение 52 тысяч американских долларов. Далее говорилось: Сойбельман рассматривает свой поступок как измену и предательство.

Самуил Сойбельман был осужден и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Уже в лагере в 1938 году его вновь осудили и расстреляли.

* * *

Вот такая трагическая история. Так что, судя по всему, стычка с Мрочковским была неспроста. А документ – лишь подтверждение, что и с такими людьми приходилось рабо-

тать Стефану Иосифовичу.

Однако, несмотря ни на что, Мрочковский руководил глобальной сетью МСКП умело, твердо, высокопрофессионально.

С приходом Гитлера к власти в 1933 году супругам Мрочковским пришлось уехать из Германии во Францию. Поселились они в Париже, где и работали до 1940 года. По данным архивных материалов, ясно, что, решив поменять место жительства, Стефан Иосифович заранее перевел капиталы из Германии во Францию. Там же во Франции в 1939 году Мрочковского арестуют и посадят в концлагерь, но через некоторое время выпустят.

В 1940 году, поскольку Европа уже фактически находилась под гитлеровской оккупацией, Мрочковские уезжают в США, где около двух лет живут в Нью-Йорке, а с августа 1942 года – в Вашингтоне.

Это тяжелые годы в жизни разведчика. На Родине ему уже не доверяют. Почему? Может быть, в этом решающую роль сыграл донос на Мрочковского, сделанный бывшим бригадным комиссаром Королем И. Д., который, в частности, утверждал, что Мрочковский пытался склонить его к невозвращению под предлогом того, что в СССР его немедленно схватят и расстреляют.

Во всяком случае, к концу 1939 года Мрочковскому было приказано ликвидировать фирмы МСКП, что он и сделал, передав Советскому Союзу (командованию ГРУ) чистой

прибыли более 500 тысяч американских долларов.

Непонятно, почему была прикрыта глобальная коммерческая сеть, если Разведуправление 18 лет создавало ее в расчете на работу в военное время?

Тогда вопрос оказался риторическим. Через 40 лет на него ответил военный юрист Вячеслав Звягинцев в своей книге «Война на весах Фемиды». Он изучал судебное дело Стефана Мрочковского.

«Суть обвинений сводилась к тому, – напишет Звягинцев, – что Мрочковский расшифровал сеть наших коммерческих предприятий за границей перед иностранными разведками, а возглавляемая им фирма «Востваг» оказалась «засорена шпионами». Обвинение было основано на предположениях и общих фразах».

Абсурдность этих обвинений, разумеется, понимал начальник Разведуправления генерал-лейтенант Филипп Голиков. Он приезжал в США в 1941 году во главе Советской военной миссии и трижды встречался с Мрочковским на квартире у исполняющего обязанности военного атташе полковника И. Сароева.

Стефан Иосифович в тот период находился на нелегальном положении. Однако Голиков не решился или не нашел нужным отстаивать перед НКВД Мрочковского. Там, в США, он принял решение о закрытии сети фирм МСКП. В частности, это подтверждается шифрограммой начальника военной разведки генерала Голикова в Центр от 31 августа

1941 года, в которой он сообщал: «Я велел Томсону (псевдоним Мрочковского. – *Авт.*) дело кончать». Никаких других документов, показывающих, на основании чего принято это решение, в архиве не было найдено.

Так рухнул 18-летний труд сотен людей, упорной работой и талантом создававших МСКП – глобальную сеть советских разведорганизаций.

По свидетельству Фанни Мрочковской, которую муж привлекал к работе в качестве связника, через нее только в последние годы работы в Париже и в Нью-Йорке Стефан Иосифович передал в Разведуправление 2 миллиона долларов наличными. Но, судя по всему, теперь это было не в счет.

Оставалось только одно – решить проблему возвращения Мрочковского на Родину. Сделать это было крайне трудно. Шла Вторая мировая война, в США действовал режим военного времени, а Мрочковский находился на нелегальном положении, да еще с фиктивными австрийскими документами. И, разумеется, не имел визы на въезд в США.

Пришлось организовать задним числом его трудоустройство в советскую закупочную комиссию и также задним числом получать визу.

Большую помощь в этом деле оказал посол Советского Союза в США М. М. Литвинов, имевший крепкие связи в госдепартаменте.

В ноябре 1942 года Мрочковскому удалось одному выехать на Родину через Ближний Восток. В апреле 1943 года

в Советский Союз убыла его семья. Однако когда они приехали в Москву, Стефан Мрочковский уже был арестован.

Он не признал ни одно обвинение. И о нем словно забыли. В ожидании суда советский разведчик и американский миллионер провел в тюрьме 9 долгих лет.

26 августа 1952 года наконец состоялся суд по его делу. Кроме обвинений в шпионской деятельности Стефану Иосифовичу вменили в вину антисоветскую пропаганду и агитацию, которую он якобы вел как за границей, так и после ареста среди сокамерников.

Арестованный И. Гвоздь, который находился вместе с ним в одной камере, показал, что Мрочковский был недоволен своим арестом, говорил о хорошей жизни в США.

Суд признал Мрочковского виновным и приговорил к 15 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

К счастью, меньше чем через год приговор в отношении Мрочковского был отменен и дело прекращено. Он вышел на свободу.

Настоящий полковник – из ГРУ

Спецпоезд Маршала Советского Союза Климента Ворошилова стоял на запасных путях под Могилевом. Шел седьмой день войны.

Позавчера за Оршей его поезд завернули обратно. Ворошилов ругался, кричал, но железнодорожник стоял на своем. Это был кряжистый, крепкий мужчина, лет пятидесяти, в черной форменной фуражке, куртке. Как оказалось, в Гражданскую войну он служил в Первой Конной под началом у Ворошилова.

Своего командира узнал сразу – в гимнастерке, с синими кавалерийскими петлицами, Ворошилов точь-в-точь как на предвоенном портрете, который висит у них в красном уголке рядом с портретом Кагановича.

– Товарищ маршал! Климент Ефремович! – увещевал разбушевавшегося Ворошилова железнодорожник. – Как же я вас пропущу? На следующем перегоне немецкие танки. Мне же никто этого не простит. Ехайте обратно в Оршу.

Ворошилов кипел, но поделать ничего не мог. Железнодорожник прав – немецкие танки перерезали железную дорогу на Минск. И он не солоно хлебавши возвратился в Оршу, а потом в Могилев.

Ворошилов сидел за большим столом, установленным посреди вагона, перебирал телеграммы, которые выучил почти

наизусть и слушал Шапошникова.

Борис Михайлович бледный, больной лежал здесь же на диване.

22 июня, после немецких ударов, связь со штабом Белорусского особого военного округа была потеряна. Никто толком не мог сказать, что произошло, где находится командующий округом Павлов со своими генералами, что с ними?

К счастью, полковник Хаджи Мамсуров, откомандированный в распоряжение Ворошилова, отыскал маршала Шапошникова. Вместе с ним был и командарм 1 ранга Павлов со своим штабом. Вскоре он приехал доложить обстановку.

Едва дослушав доклад Павлова, Ворошилов взорвался.

– Помнишь, как ты жалобу на меня написал товарищу Сталину? – вопрошал Ворошилов. – Мол, зажимаю твой рост, не даю двигаться молодым. Да тебе не округ, дивизию доверить нельзя.

Павлов, без кровинки в лице, слушал Климента Ефремовича.

– Простите меня, товарищ маршал, – бормотал он, захлебываясь то ли от слез, то ли от волнения. – Простите дурака... Виноват я перед вами.

Никто не вымолвил ни звука. Только Ворошилов крепко выругался и отошел в другой конец вагона.

Настроение, и без того паршивое, было испорчено вконец.

Павлов уехал. Мамсуров вдруг почувствовал, как душно в вагоне. Он вышел на улицу. Вокруг было темно и только на

Западе, по самому горизонту, сколько видел глаз, полыхало зарево пожаров.

Хаджи присел прямо на насыпь рядом с вагоном и смотрел на зарево. Страшно ли ему было в тот момент? Пожалуй, нет. Он ведь понимал, что главное его дело – воевать. Беспокоило другое. Он, как и тысячи советских людей, задавал себе тяжкий вопрос: как это могло случиться? И не находил ответа. Больше всего, что на этот вопрос, судя по всему, не мог ответить не только он, полковник Мамсуров, но даже прославленный маршал Ворошилов, который еще год назад был наркомом обороны, и маршал Шапошников – вчерашний начальник Генштаба. Уж они-то знали ответы на все вопросы, как казалось вчера. Ан нет.

Он уже неделю мотается с Ворошиловым по фронтовым дорогам и видит, как отступают, бегут наши лучшие дивизии. Сам собирал командиров на этих фронтовых дорогах, ставил им задачи от имени маршала Ворошилова не допустить прорыва танков. В его полевой сумке хранится блокнот с расписками командиров частей о полученной боевой задаче по обороне рубежей западнее Орши, Могилева, Рогачева.

И что же? Немцы прут и прут...

* * *

Это была уже четвертая война полковника Хаджи Мамсурова. В свои неполные тридцать восемь лет он успел повое-

вать на гражданской, в Испании, на советско-финском фронте и вот теперь – новая война. Это потом, позже ее назовут Великой Отечественной, напишут песни о том, как «двадцать второго июня ровно в четыре часа...»

А 22 июня он лежал дома с высокой температурой, глотал таблетки, грел шею, которую невозможно было повернуть от боли. Оказалось, война – лучшее лекарство. Видимо, первое потрясение от страшного известия было столь велико, что болезнь отступила.

Утром 24-го начальник Разведуправления генерал Филипп Голиков вызвал Мамсурова к себе. Хаджи-Умар руководил 5-м разведывательно-диверсионным отделом. Признаться, он так и рассчитывал, что разговор пойдет о развертывании партизанской, диверсионной работы в тылу врага.

К разговору Мамсуров был готов, захватив документы, явился по вызову.

Однако начальник военной разведки завел речь совсем о другом. Оказывается, он получил приказ откомандировать Мамсурова в распоряжение маршала Ворошилова.

Голиков сказал, что это решение считает неверным, и обратился в Центральный комитет партии.

Что мог сказать Мамсуров? ЦК он и есть ЦК, как скажет, так и будет. Он ответил: «Я – солдат и выполню любой приказ партии».

В Центральном комитете подтвердили откомандирование, и Голиков сообщил Мамсурову, что Ворошилов ждет

его на Белорусском вокзале. Поезд маршала уже стоял под парами.

До отхода состава оставалось меньше часа. Мамсуров успел забежать домой, захватил с собой пару белья и уже на лестнице столкнулся с женой Линой. Она возвратилась из-под Гродно, где в составе курса академии имени М. В. Фрунзе была на стажировке. Переговорив несколько минут, они распрощались, и Хаджи поспешил на вокзал.

Когда он вошел в вагон Ворошилова и доложил о прибытии, маршал спросил, почему не явился утром. Мамсуров ответил, что ему разрешили уехать из управления всего час назад.

Ворошилов сказал, что едут они в Минск, так как с 22 июня потеряна связь со штабом Белорусского военного округа. Все попытки Генштаба выйти на Павлова до сего часа, 24 июня, ни к чему не привели.

Пока ехали до Орши, откуда поезд Ворошилова повернули обратно, Климент Ефремович не уставал сокрушаться, мол, старую систему укрепрайонов вдоль границы с прибалтийскими странами, Польшей и Румынией разрушили, а новую построить не успели.

Действительно, после того, как наши войска выдвинулись западнее старой границы на 100–300 км, поступила команда разрушить прежние укрепрайоны.

Строительством новых укрепрайонов заниматься было некогда – разгорелись бои на Халхин-Голе, потом на совет-

ско-финском фронте... Опомнились уже накануне войны, но поздно.

Мамсурову трудно было судить, в какой мере во всем этом виноват Ворошилов. Ведь до апреля 1940 г. он оставался наркомам обороны. Однако Климент Ефремович упирал на то, что дров наломал сменивший его Семен Тимошенко и новый начальник Генштаба Георгий Жуков.

Правда, жизнь иногда преподносила поучительные уроки. Вот как об одном случае, произошедшем в дороге, вспоминал сам Хаджи Мамсуров: *«Вместе с Ворошиловым мы ездили на машине в западном, северо-западном, юго-западном направлениях от Могилева в поисках штаба Белорусского округа.*

Во время такой поездки проезжали мимо каких-то авиаремонтных мастерских. Ворошилов остановил машину, вышел. Ему доложили, что час назад мастерские бомбила фашистская авиация. Маршал оглядел развалины и с возмущением спросил: «Какой же дурак разрешил строить здесь мастерские?»

Совершенно не желая его обидеть, я сказал: *«Наверное, без вашего ведома их тут бы не построили».*

Ворошилов пристально посмотрел на меня и произнес: *«Выходит, что я дурак? Старый дурак».*

Я смутился. Мне стало его жаль, и в душе я корил себя за бестактность».

Но было ли это бестактностью? Будь вокруг Ворошилова

побольше таких Мамсуровых, может, и не гнал бы нас враг «до Можая».

* * *

Первые дни войны опрокинули доктрину «воевать малой кровью, на чужой территории». Всем стало ясно – кровь будет большая и территория своя. Тут и воевать. Теперь уже никто не спорил, что нужны диверсанты, партизаны, нужны действенные меры по борьбе с фашистами в тылу врага.

Но по существу, 5-й разведывательно-диверсионный отдел ГРУ полковника Хаджи Мамсурова оказался единственным, кто мог хоть чему-то научить будущих партизан. На большее просто не было времени.

С началом войны в Белорусский особый военный округ выехал не только Хаджи Мамсуров, но и весь его отдел.

Помогая Ворошилову уточнять обстановку, искать маршалов Шапошникова и Кулика, полковник Мамсуров не забывал о своем главном деле – развертывании партизанского движения. Кроме них этого сделать было некому.

Разумеется, руководство Белоруссии: Пономаренко, Эйдинов, Киселев, Мазуров нашли, организовали людей, но их надо было ознакомить с тактикой партизанской войны, установить явки, связи, конспиративные квартиры, тайники, подготовить агентов для деятельности в подполье.

На эту огромную работу было всего двое суток. Практи-

чески весь отдел Мамсурова работал в Белоруссии: Гай Туманян, Николай Патрахальцев, Иван Демский, Василий Троян, Сергей Фомин, Валерий Знаменский, Николай Щелоков, Григорий Харитоненков, Петр Герасимов.

Это были опытные разведчики-диверсанты.

Гай Лазаревич Туманян еще в 20-е годы участвовал в ликвидации бандитских формирований в Чечне, после окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе направлен в Отдельную Дальневосточную Армию. Позже несколько лет работал в Китае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.